

А. Н. РОБИНСОН

Неизданная поэма М. А. Волошина о Епифании

Обращение писателей нового времени к литературным произведениям нашей древности представляет интерес как для исследователей творчества этих писателей, так и для историков литературы древней Руси.

Максимилиану Волошину (1877—1932) принадлежит, как известно, поэма «Протопоп Аввакум»,¹ которая основывается на автобиографии Аввакума с привлечением некоторых других его сочинений.² Интересно отметить, что поэт обратил внимание и на гораздо менее известную, недостаточно изученную в его время, как, впрочем, и теперь, автобиографию («Житие») ближайшего друга Аввакума, его духовного отца и «союзника» по пустозерской темнице, расстриженного «властями» инока Епифания. В результате возникло написанное свободным белым стихом «Сказание об иноке Епифании». Поэта, очевидно, привлекали не только литературные достоинства автобиографий Аввакума и Епифания, но и личность самих писателей, героизм их духа, готовность к страданиям и к смерти за свои убеждения. Темы трагической судьбы человека, его борьбы с роком и т. п., интересовавшие поэта в античной литературе, связывались в данном случае и с его пониманием сочинений Аввакума и Епифания. Обе названные поэмы М. А. Волошина очень близко следуют своим литературным источникам («Житиям» Аввакума и Епифания), во многом являясь скорее поэтическим переложением древних оригиналов, чем поэмами в собственном смысле.

Не задаваясь целью характеризовать здесь поэму о Епифании в связи с историей творчества Волошина в целом, мы ограничимся лишь кратким выяснением отношения этой поэмы, как частично и поэмы об Аввакуме, к их древнерусским источникам.

Рукопись поэмы о Епифании (о которой нам любезно сообщил В. И. Малышев, а копию снял В. А. Мануйлов) хранится в архиве автора у его вдовы М. С. Волошиной (Крым, Планерское — бывш. Коктебель). Поэма находится в большой рукописной книге с матерчатым переплетом, в которую М. А. Волошин на протяжении многих лет записывал черновики своих стихотворений. Текст поэмы написан чернилами рукою автора, занимает 7 страниц. По сообщению М. С. Волошиной, поэма о Епифании была задумана автором в 1918—1919 гг., следовательно непосредственно за тем, как им была написана поэма об Аввакуме (в мае 1918 г.);³ закончена она была позже: текст датирован 16 февраля 1929 г.

¹ В книге: Демоны глухонемые. Стих. Максимилиана Волошина. Изд. «Камена» (Харьков), 1919, стр. 36—54.

² См.: А. И. Мазунин. Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 409—410.

³ См.: Демоны глухонемые, стр. 54.

М. А. Волошин внимательно отнесся к отбору источников для поэм об Аввакуме и Епифании. Он пользовался «Житием» Епифания, очевидно, по изданию Я. Л. Барскова: именно в этом издании было опубликовано также привлеченное поэтом к работе над данной темой «Сказание о кончине блаженного Епифания и прочих с ним страдальцев в Пустозерском городке»;⁴ к тому же, первое издание «Жития», осуществленное А. К. Бороздиным, было менее известным и доступным.⁵ В этом же издании Я. Л. Барскова помещена третья редакция «Жития» Аввакума. Однако М. А. Волошин воспользовался не этим текстом: в качестве основного источника для поэмы «Протопоп Аввакум» он выбрал, несомненно, первую редакцию «Жития».⁶ Об этом свидетельствуют некоторые эпизоды поэмы, соответствующие первой редакции «Жития» и отсутствующие в других его редакциях. Так, например, в поэме приводится известная только по первой редакции «Жития» беседа Аввакума с женой: «Что сотворю, жена? Зима ведь на дворе. Молчать мне, аль учить? Связали вы меня! Она же мне: Что ты, Петрович? Аз тя с детьми благословляю: Проповедай по прежнему. О нас же не тужи...».⁷

Поэма М. А. Волошина о Епифании строится так же, как и «Житие» Епифания: первая часть содержит главным образом описание жизни героя в пустыне, вторая — описание казней и мучений в пустозерской темнице. К этому добавляется еще третья часть — рассказ о сожжении Епифания, которого, естественно, нет в «Житии». Поэма «Протопоп Аввакум» также заканчивается описанием смерти героя на пустозерском костре. В этой поэме М. А. Волошин пользуется приемом кольцевой композиции, при помощи которого подчеркивается мистическая интерпретация судьбы Аввакума: сначала от лица героя повествуется о жизни его души в «Небесном Иерусалиме» (до рождения), затем — о его земной жизни (на основе «Жития»), завершается же поэма рассказом самого героя о его сожжении как о возвращении в «Иерусалим Небесный».⁸ В поэме о Епифании подобной искусственно созданной символики нет. В небольшой третьей части поэмы, изложенной уже от третьего лица, автор пользуется для завершения сюжета указанным выше «Сказанием о кончине блаженного Епифания», из которого берутся описания сожжения Епифания, Аввакума, Лазаря и Федора и вознесения Епифания на небо. Последующий за этим рассказ о встрече сомневающихся в таком «чуде» пустозерцев с душою Епифания, якобы подтвердившей, что он «не сгорел в рубце», поэтом опускается.

Основываясь на тексте «Жития» Епифания, поэт правильно воспроизводит основные вехи его жизни и только в одном случае допускает неточность. Арест Епифания по поэме происходит еще в пустыне (на Виданском острове): «Никонианцы, взяв меня в пустыне...». В действительности Епифаний был арестован в Москве в 1666 г., куда он сам отправился со своей обличительной книгой для того, чтобы «спасти» царя от «среси». В самом «Житии» об этом коротко упоминается: «Пошел к Москве ис пустыни», «пошел к Москве», «пустыню оставил».⁹ Более подробные сведения об этом периоде жизни Епифания находятся в его еще не опублико-

⁴ Я. Л. Барсков Памятники первых лет русского старообрядчества СПб, 1912, стр. 229—262, 392—393

⁵ Христианское чтение СПб, 1889, январь—февраль, стр. 210—240

⁶ Скорее всего по изданию Археографической комиссии (Пгр, 1916), вышедшему в свет незадолго до работы поэта над этой темой

⁷ Демоны глухонемые, стр. 46

⁸ Ср: А. И. Мазунин Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума, стр. 410

⁹ Я. Л. Барсков Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 250, 254—255.

ванном «Житии» — биографии и отчасти приводятся в научной литературе.¹⁰

Содержание «Жития» Епифания М. А. Волошин передает в сильно сокращенном виде. Из первой части «Жития» в поэму не включаются введение (с обращением автора к Аввакуму), эпизоды о жизни Епифания у пустытника Кирилла, эпизоды об убиении бесом крестьянина Ивана, о постройке кельи Епифанием, о втором пожаре кельи и чудесном избавлении от него. Из второй части «Жития» опускаются: вводное обращение к «чаду» Афанасию, рассказы об изготовлении Епифанием креста для крестьянина-охотника, о встрече его с душою его умершего друга Евфросина Андомского, рассказы о монахе и «златице», о видении Епифанию «нерукотворного Спаса» и беседе с ним, о темницах, об исцелении глаз Епифания, о его «рукоделии», заключительное обращение к Афанасию. Из нескольких эпизодов борьбы Епифания с бесами выбираются только два, наиболее яркие и контрастные. Реальные картины ссылки Епифания в Пустозерск, двух его «казней» и мучений воспроизводятся в поэме подробнее фантастических эпизодов его жизни в пустыне. Своеобразная последовательность рассказа «Жития», с учетом указанных изъятий, в поэме сохраняется: сначала повествуется о второй «казни» Епифания (в Пустозерске), а затем о хронологически предшествовавшей ей первой его «казни» (в Москве) и т. п. В результате отбора материала (исключение ряда эпизодов, их сокращение и т. п.) образ самого Епифания в поэме М. А. Волошина по сравнению с «Житием» несколько изменяется: традиционные приемы агиографии и элементы средневековой фантастики оказываются в известной мере ослабленными, а реальные черты героя — усиленными.

В пределах очень экономно используемого материала «Жития» Епифания М. А. Волошин стремится к наибольшему сохранению в своей поэме подлинного текста памятника, его фразеологии и лексики. По большей части поэма строится путем последовательного отбора из текста «Жития» тех фраз, частей фраз и отдельных слов, которые необходимы для максимально сжатого изложения сюжета. При помощи незначительных перестановок, лексических добавлений или замен отобранным отрывкам текста «Жития» придается в поэме ритмическое течение. Для иллюстрации приемов авторской работы над текстом «Жития» возьмем начало памятника. Епифаний пишет: «Родился я в деревне, и как скончались отцу мой и матери моя и аз грешный и де во град некий зело велик и многолюден, а град благочестивой, христианской, и пребых в нем седмь лет. И прииде ми помысл взыскати пути спасения и идох ко всемилоствому спасу во святую обитель Соловецкую ко преподобным отцем нашим Зосиме и Саватию».¹¹ Если прочесть подряд выделенные нами слова (разрядка), то легко заметить, что они образуют (при самых небольших изменениях) первые три с половиной стиха поэмы (см. ниже).

Проследим еще за тем, каким образом поэт отбирает текстовый материал для описания пустозерских казней. Епифаний пишет: «Егда нас новья мучители никонианы взяли из темниц и за святую веру христову пред всем народом пустозерским отсекоша нам руки и отрезаша языки, и с теми горкими и лютыми ранами лаки отвеша нас в старья темницы, кождо во свою. Ох, ох, горе дней тех! Аз же грешный внидох во свою темницу, и возгореся сердце мое во мне

¹⁰ См.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке СПб., 1898, стр. VII, прим. 9; А. Н. Робинсон О художественных принципах автобиографического повествования у Аввакума и Епифания. — Славянская филология. Сборник статей, т. 2. М., 1958, стр. 248.

¹¹ Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 229.

и вся внутренняя моя огнем великим, аз же падох на землю, и бысть весь в поту, и начал умирати, да не умер... так аз стал тужить глаголя: «Что будет, смерти нету, а лутче сего времени ко исходу души на што? ... Вижу, что нету ми смерти. И аз востав со земли и на лавку лег ниц, а руку мою сеченую повесил на землю, помышляя в себе сице: „Пускай кровь-та выдет из мене вся, так я и умру“». И много крови вышло и в темнице стало мокро... И аз грешный, бил челом Симеону десятнику, да отмоет ми от руки за сушины кровавыя. Он же отмыл от руки моя запекшуюся кровь, и во имя христово, моляся богу, помаза ми раны те серою еловою...».¹² Отмеченные разрядкой части фраз легли в основу стихов 9—19 в начале второй части поэмы.

Ниже публикуется поэма М. А. Волошина:

СКАЗАНИЕ ОБ ИНОКЕ ЕПИФАНИИ

1

Родился я в деревне. Как скончались
 Отец и мать, ушел взыскати
 Пути спасения в обитель к преподобным
 Зосиме и Саватию. Там иноческий образ
 Сподобился приять. И попустил господь
 На стол на патриарший наскочити
 В те поры Никону. А Никон окаянный
 Арсена-жидовина
 В печатный двор печатать посадил.
 Тот грек и жидовин в трех землях трижды
 Отрекся от Христа для мудрости бесовской
 И зачал плевелы в церковны книги сеять.
 Тут плач и стон в обители пошел:
 Увы и горе! Пала наша вера.
 В печали и тоске, с благословенья
 Отца духовного, взяв книги и иная,
 Потребная в молитвах, аз изыдох
 В пустыню дальнюю, на остров на Виданьской —
 От озера Онеги двенадцать верст.
 Построил келейку безмольвья ради
 И жил, молясь, питаюсь рукодельем.
 О, ты моя прекрасная пустыня!

Раз, надобен от кельи отлучиться,
 Я образ богоматери с младенцем —
 Вольяшный — медный — поставил ко стене:
 «Ну, свет-Христос и богородица, храните
 И образ свой, и нашу с вами келью».
 Пришел на трегий день и издали увидел
 Келейку малую, как головню дымящу.
 И зачал зря вопить: «Почто презрела
 Мое моление? Приказу не послушала? Келейку
 Мою и твоя не сохранила?». Идох

¹² Там же, стр. 248.

До кельи обгорелой, ан кругом
 Сенишко погорело вместе с кровлей,
 А в кельи чисто: огонь не смел войти.
 И образ на стене стоит-сияет.

В лесу окрест живуше бесы люты.
 И стали в келью приходите ночами.
 Страшат и давят: сердце замирает,
 Власы встают, дрожат и плоть и кости.
 С полночи пришли однажды двое:
 Один был наг, другой одет в кафтане.
 И взяв скамью — на ней же почиваю —
 Нача меня качати, как младенца.
 Я ж, осерчав, восстал с одра, и беса
 Взял поперек, и бить учал
 Бесищем тем, о лавку, вопиюще:
 «Небесная царица, помоги мне!».
 А бес другой к земле прилип от страха,
 Не может ног от пола оторвать.
 И сам не вем, как бес в руках изгинул.
 Возбнухся ото сна — зело устал, — а руки
 Мокром мокры от скверного мяса.
 В другой же раз, уснуть я не успел, —
 Сенные двери пылко растворились,
 И в келью бес вскочил, что лютый тать:
 Согнул меня и сжал так крепко, туго,
 Что пикнуть мне не можно, ни дохнуть.
 Уж еле-еле пискнул: «Помози ми!».
 И сгинул бес, а я же со слезами
 Глаголю к образу: «Владычица, почто
 Не бережешь меня? Ведь в мале-мале
 Злодей не погубил». Тут сон нашел
 С печали той великия, и вижу,
 Что богородица из образа склонилась;
 Руками беса мучает, измяла
 Злодея моего и в руки мне дала.
 Я с радости учал его крушить и мять,
 Как ветошь драную, и выкинул в окошко:
 «Измучил ты меня, злодей, и сам пропал».
 По долгой по молитве взглянул в окно: светает,
 Лежит бесище, как мокрое тряпье,
 По мале дрогонул и ногу подтянул,
 А после руку.
 И паки ожил. Встал, как будто пьян.
 И говорит: «Ужо к тебе не буду, —
 Пойду на Вытегру». А я ему: «Не смей
 Ходить на Вытегру, — там волюсть людна.
 Иди где нет людей». А он, как сонный,
 От келейки по просеке пошел.
 Увидел хитрый дьявол, что не может
 Ни сжечь меня, ни силой побороть,
 Так насади мне в келию червей.
 Рекомых мравии. Начаша мураши
 Мне тайны уды ясть, и ничего иного,

Ни рук, ни ног, а токмо тайны уды.
И горько мне и больно — инда плачу.
Аз стал их, грешный, варом обливать,
Рукой ловить, топтать ногой, они же
Под стены подползают. Окопал я
Всю келийку и камнем затолок.
Они сквозь камни лезут. Из-под печи
Кошницею в реке топить носил.
Мешок на уды шил: не помогло — кусают.
Ни рукоделья делать, ни обедать,
Ни правил править. Бесей той напасти
Три было месяца. На последях
Обедать сел, закутав уды крепко.
Они ж, не вем как, — все-таки кусают.
Не до обеда стало: слезы потекли.
Пречистую тревожить все стеснялся,
А тут взмолился к образу: «Спаси,
Владычица, от бесей сей напасти!».
И вот с того же часа
Мне уды грызть не стали мураши.
Колико немощна вся сила человека!
Худого мравия не может одолеть,
Не только дьявола без божьей благодати.

2

Пока в пустыне с бесами боролся,
Иной великой дьявол церковь мучал
И праведную веру истреблял,
Как мурашей святые гнезда шпарил,
Да и до нас дошел.
Отец Илья, игумен соловецкий,
Велел писать мне книги в обличенье
Антихриста, в спасение царя.
Никонианцы, взяв меня в пустыне,
В темнице утомили, а потом
Пред всем народом пустозерским руку
На площади мне секли. Внидох паки
В темницу лютую и начал умирать.
Весь был в поту, и внутренность горела.
На лавку лег и руку свесил — думал
Души исходу лучше часа нет.
Темница стала мокрая, а смерть нейдет.
Десятник Симеон засушины отмыл
И серою еловой помазал рану.
И снова маялся я днями на соломе.
На день седьмой на лавку всполз и руку
Отсечену на сердце положил.
И чую богородица мне руку
Перстами осязает. Я ее хотел
За руку удержать, а пальцев нету.
Очнулся, а рука платком повязана,
Ощупал левой сеченую руку:
И пальцев нет, и боли нет. А в сердце радость.

Был на Москве в подворьи у Николы
 Угрешского. И прискочи тут скоро
 Стрелецкий голова Бухвостов — лют разбойник.
 И поволок на плаху на Болото.
 Язык урезал мне и прочь помчал.
 В телеге душу мало не вытряс мне,
 Столь боль была люта! . .
 О, горе дней тех! Из моей пустыни
 Пошел царя спасать, а языка не стало.
 Что нужного, и то мне молвить нечем.
 Вздохнул я к господу из глубины души:
 «О скорого услышанья Христова!».
 С того язык от корня и пополз
 И до зубов дошел и стал глаголить ясно.

Свезли меня в темницу в Пустозерье.
 По двух годех пришел ко мне мучитель
 Елагин — полуголова стрелецкой,
 Чтоб нудить нас отречься веры старой.
 И непослушливым велел он паки
 Языки резать, руки отрубать.
 Пришел ко мне палач с ножом, с клещами,
 Гортань мне отворять, а я вздохнул
 Из сердца умиленно: «Помоги мне!».
 И в мале ощутил, как бы сквозь сон,
 Как мне палач язык под корень резал
 И руку правую на плахе отсекал.
 (Как первой резали — что лютый змей кусал).
 До Вологды шла кровь проходом задним.
 Теперь в тюрьме три дня я умирал.
 Пять дней точилась кровь из сеченой ладони.
 Где был язык во рте — слин стало много,
 И что под головой — все слинами омочено:
 И ясть нельзя, понеже яди
 Во рту вращати нечем.
 Егда дадут мне рыбы, щей да хлеба,
 Сомну в единый ком, да тако вдруг глотаю.
 А по отъяти болезни от руки
 Я начал правило в уме творити,
 Псалмы читаю, а дойду до места:
 «Возрадуется мой язык о правде твоя», —
 Вздохну из глубины — слезинка
 Из глазу и покатится:
 «А мне чем радоваться? Языка и нету». . .
 И паки: «Веселися, сердце, радуйся, язык!».
 Я ж, зря на крест, реку: «Куда язык мой дели?»
 Нет языка в устах, и сердце плачет».
 Так больше двух недель прошло, а все молюсь,
 Чтоб богородица язык мне воротила.
 Возлег на одр, заснул и вижу: поле
 Великое да светлое — конца нет. . .
 Налево же на воздухе, повыше,
 Лежат два языка моих:
 Московской — бледноват, а пустозерской

Зело краснешенек.
Взял на руку красной и зрю прилежно:
Ворошится живой он на ладони,
А я дивлюсь красе и живости его.
Учал его вертеть в руках, расправил
И местом рваным к резанному месту
Идеже прежде был, его приставил, —
Он к корню и прильни, где рос с рожденья.
Возбнух я радостен: что хочет сие быти?
От времени того по малу-малу
Дойде язык мой паки до зубов
И полон бысть. К яденю и к молитве
По-прежнему способен, как в пустыне,
И слин нелепых во устех не стало
И есть язык мне богом данный — новый
Короче старого, да мало толще.
И ныне веселюсь, и славлю, и пою
Скорозаступнице, язык мне давшей новый.

3

Сказанье о кончине
Страдальца Епифания и прочих
С ним вместе пострадавших в Пустозерске:
Был инок Епифаний положен в сруб,
Обложенный соломой, щепой и берестой
И политый смолою.
А вместе Федор, Аввакум и Лазарь.
Когда костер зажгли, в огне запели дружно:
«Владычица, рабов своих прими!».
С гудением великим огонь, как столб,
Поднялся в воздухе, и видели стрельцы
И люди пустозерские, как инок Епифаний
Поднялся в пламени божественною силой
Вверх к небесам и стал невидим глазу.
Тела и ризы прочих не сгорели.
А Епифания останков не нашли.

16 февраля 1929 г.
Коктебель.
